

указанные материалы позволяют тщательно исследовать процесс выработки решений в английском правительстве по вопросам нефтяной политики в зоне Персидского залива.

Вместе с тем к содержанию указанных документов следует относиться критически. В частности, в них практически не отражены позиции американского правительства и нефтяных компаний США по вопросу проникновения последних в зону Персидского залива и противодействия этому со стороны Великобритании. Поскольку составители ежегодных отчетов опирались на информацию, представленную нефтяными компаниями, то иногда в них можно встретить противоречивые данные о деятельности той или иной корпорации. Однако значимость данных материалов для исследования англо-американского соперничества за нефть арабских эмиратов Персидского залива в 1920—1930-х гг. несомненна. Более того, их использование позволит глубже исследовать различные, ранее не изученные аспекты англо-американского нефтяного соперничества.

¹ Public Record Office (далее PRO). Foreign Office Papers (далее FO). 371/17831. E 7251/7071/65.

² См.: PRO. FO. 371/18925. E 7269/9269/65.

³ См.: PRO. FO. 371/17831. E 4540/487/25.

⁴ См.: PRO. FO. 371/20787.

⁵ См.: PRO. FO. 371/18925. E 7269/9269/65.

Материал поступил в редакцию 17.11.2006 г.

Д. Е. Москвин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Спустя более чем 15 лет после распада Советского государства и начала конструирования новой политической системы вопросов о характере изменений стало гораздо больше, чем в начале демократизации. Проблема интерпретации трансформационных процессов в России оказалась не только не снята, но с новой силой звучит в научном и публичном политическом дискурсе. В данной статье, исходя из отрицания модернизационной парадигмы, задающей рамку мышления, мы ставим целью обосновать необходимость введения понятия «институциональная неопределенность» как одного из факторов трансформации политической системы.

МОСКВИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ — ассистент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: dmitry_moskvin@mail.ru).

© Москвин Д. Е., 2007

Любое описание состояния системы есть либо историческая реконструкция (описание прошлого), либо футурология (описание будущего), но сделать «ментальный снимок» и описать состояние системы в данный момент времени невозможно. Постоянно ставится вопрос о телеологичности динамики политической системы: есть ли изначальная цель, может ли она быть задана, может ли она быть достигнута, может ли динамика закончиться с достижением цели? Модернизационная парадигма определяет подход многих исследователей, будь то в категориях теории транзитологии или теории глобализации. Но одно и то же конечное состояние системы может проистекать из различных предшествующих состояний, телеологичность динамики политической системы методологически недопустима, поскольку значимыми оказываются акциденции, т. е. события, случайные или встречные, которые «проявляются иначе, чем они есть на самом деле, и которые решительно ускользают от разума»¹. Поэтому для описания динамических свойств системы наиболее адекватно использовать понятие «трансформация», понимая под ним процесс преобразования одной политической системы в другую, зависимый от эндогенных и экзогенных факторов, в ходе которого вектор изменений может поменяться, а конечный результат не может быть предопределен изначально. Трансформация политической системы обладает четырьмя свойствами. Во-первых, она зависит от внешних и внутренних факторов, влияющих на изменение системы. Проблема не в том, какие из них важнее, а каковы механизмы их взаимодействия и взаимообусловленности. Во-вторых, стартовые условия и возможности их преодоления. Важно понять, в какой момент система утрачивает возможность вернуться к исходному состоянию, т. е. системообразующие факторы перевешивают системоизменяющие. В-третьих, эмерджентность процесса, т. е. внезапное (случайное) изменение характера развития системы, взятое в своей полноте, а не структурированное по отдельным направлениям. В-четвертых, неопределенность как имманентное свойство трансформации, не позволяющее давать точных прогнозов и надеяться на однозначную реализацию заданной схемы.

С теорией трансформации напрямую связано изучение институтов, поскольку трансформационный дискурс сосредоточивает внимание на деятельности политических акторов, а следовательно, на всех формальных и неформальных ограничителях их деятельности, встроенной в институциональную матрицу. Опираясь на неоинституциональный подход, под *политическими институтами* можно понимать существующие длительное время *формальные* правила и нормы, которые действуют в рамках политической системы, регулируя действия акторов в процессе выработки, обсуждения и реализации общественно значимых решений. Они возникают как результат успеха деятельности одного из акторов и принимаются другими акторами на длительное время (добровольно или принудительно); носят преимущественно императивный характер.

В. Меркель и А. Круассан в своей теории разграничения формальных и неформальных правил обращают внимание, что последние являются «в гораздо большей степени результатом рациональных стратегий акторов», когда те вынужден-

но действуют в условиях высокой экономической и политической неопределенности. Они различаются по объекту воздействия: «Формальные институты претендуют на общую значимость, а неформальные — лишь на партикулярную»², при этом существует возможность сочетания обоих видов правил. Принципиальным является понимание, что институты не заданы изначально и подвержены замене. Становление новых институтов можно назвать *институционализацией*, которую мы определяем как процесс, посредством которого правила, нормы и в конечном итоге процедуры (т. е. некоторые политические акты) вырабатываются в процессе деятельности и взаимодействия акторов, приобретают устойчивость, формализуются и воспринимаются акторами как единственно допустимые (хотя и не единственно возможные). Цель институционализации — преодоление неопределенности, складывающейся в результате трансформационного процесса. Исследователи институциональной сферы сходятся в том, что «институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь»³.

Неопределенность — достаточно редко осмысляемое понятие, истинно философская категория, ибо связана со сферой познания (часто выступает как синоним незнания, неизвестности). Она описывает будущее, как бы исследователю не хотелось представить его в качестве неминуемого результата каких-то закономерностей или тенденций. Благодаря открытому Вернером Гейзенбергом «принципу неопределенности» произошел переход к квантовой механике, исходящей из того, что не только будущее не определено, но и настоящее не имеет точного измерения. Таким образом, принцип неопределенности является «фундаментальным, обязательным свойством нашего мира»⁴, с чем, кстати, так и не смог согласиться Эйнштейн, выразив свое негодование в известной фразе: «Бог не играет в кости».

Неопределенность — это отсутствие заданности, пределов, а следовательно, это также ситуация отсутствия выбора. Неопределенность будущего означает, что будущность бесконечна и не имеет альтернативности. В этом смысле превратить неопределенность в определенность невозможно; любые схемы, претендующие на описание будущего, суть гипотезы, вероятности, интерпретации. Они могут эффективно решать определенные задачи на краткосрочной перспективе, но не могут рассматриваться как универсальные и раз и навсегда данные.

Институты способны лишь оградить от неопределенности, а не ликвидировать ее. Задавая четкие алгоритмы действий, создавая своеобразную матрицу повторяющихся процедур, институты конструируют действительность, которая, используя разграничение понятий Ханной Арендт, остается в контексте реальности со всей ее неопределенностью. Подобное описание подводит к выводу, что институты — это правила, возможные в ситуации *status quo*, когда нет необходимости определять будущее, но есть необходимость удерживать настоящее, воспроизводить постоянно достигнутое до тех пор, пока оно эффективно. Следовательно, процесс институционализации в рамках трансформации политической системы означает усугубление, умножение неопределенности, если подобное выражение

вообще употребимо. В описываемых условиях акторы взаимодействуют, не имея представления о будущем, пытаясь при этом выработать правила своего взаимодействия, не будучи уверенными в их эффективности, признанности и длительности существования.

Опираясь на данное выше определение трансформации политической системы, можно ввести новое понятие *институциональная неопределенность*, подразумеваемая под ним ситуацию, когда акторы политической коммуникации не находят компромисса относительно политических и поведенческих процедур и правил, а последние постоянно меняются, носят спорадический характер. Здесь действуют неформальные правила, навязываемые более сильным актором или сознательно принимаемые для преодоления неопределенности. Можно говорить о доминировании политических практик, т. е. временных действий, которые претендуют на регулярность, но в силу своей скорой неэффективности и иных факторов оказываются замененными через какое-то время другими практиками. Институциональная неопределенность длится ровно столько, сколько идет институционализация. Она связана с рисками, а значит, с постоянной угрозой эффективности принимаемых решений. Вектор трансформации постоянно изменяется, целью становятся системная стабильность и политический порядок, понимаемые как четко установленные «правила игры». Отсутствие институциональной структуры ввергает систему в кризис, когда каждый субъект устанавливает и пытается навязать свои правила, а побеждает в итоге сильнейший. Недаром Лешек Бальцеревич характеризовал трансформацию как «масштабный переход от одного стабильного общественного состояния к иному потенциально стабильному состоянию»⁵.

Фактор институциональной неопределенности учитывается некоторыми исследователями, хотя остается непроработанным в отечественной науке. В частности, В. Меркель и А. Круассан обращают внимание, что в государствах, переживающих трансформационный процесс, возникает неопределенность в действенности новых институтов, в результате чего стимулы для создания неформальных правил оказываются особенно сильными. В. Гельман, анализируя неопределенность как имманентное свойство смены режимов, исследует, как от «институционального выбора», осуществляемого акторами, зависит будущее политического строя⁶. И даже А. Пшеворский, давая интерпретацию демократии, говорит о ней как об «организованной неопределенности», которая базируется на своде правил⁷.

Институциональной неопределенности противостоит *институциональная рутин* — ситуация, когда действия и правила, по которым они осуществляются, стали шаблонными, предсказуемыми, вошли в привычку (но до момента, пока не будет выяснено, что иное действие и иные правила более эффективны). Как отмечает Дж. Ходжсон, «привычки и рутины, сформировавшиеся у одних индивидов, создают возможности для сознательного принятия решений другими», что свидетельствует о возможности нормального и предсказуемого поведения в «весьма сложном мире при всех присущих ему неопределенности, запутанности и информационных перегрузках»⁸.

На примере трансформации политической системы России можно проследить значимость фактора институциональной неопределенности, который выступает также основанием для политического курса тех или иных акторов. Лежащая в основании политических процессов 1990-х гг. транзитологическая схема позволила осуществить «институциональный трансферт» — учредить в России политические институты западных политий. Отсутствие исторического опыта обращения с такими институтами, сложившаяся аутентичная политическая культура, чрезвычайность переходного процесса, выразившаяся в реформировании всех сторон жизни и ломке привычного уклада, что неминуемо сопровождается маргинализацией большинства населения, способствовали закреплению неформальных правил политической игры. Декларированные институты скрывали за собой пространство институциональной неопределенности: в обществе и между политическими акторами не было консенсуса относительно будущего институтов, оформления институционального дизайна, не существовало даже уверенности в долгосрочности существования складывающейся политической системы. В 1990-х гг. перспективы институционализации зависели от хрупкого равновесия сил либо от воли и наличия ресурсов у одного из акторов (в данном случае — президента Б. Н. Ельцина). Правила, исходящие из интереса и выгоды только одного актора, могут стать институтами только при условии, что они будут настолько же эффективны в деятельности других акторов, что, однако, было маловероятно в специфической ситуации 1990-х гг.

В этой связи наблюдаемый с 2000 г. авторитарный тренд может быть рассмотрен как попытка преодолеть фактор институциональной неопределенности через навязывание политической системе институционального дизайна, удобного одному актору. Ограничение митингов, референдумов, различные нормы, определяющие порядок выборов, формирования партий и пр., — попытка установления формальных правил, которые в ходе дальнейшего их регулярного применения могут закрепиться как политические институты.

Основная проблема при изучении динамических процессов в современной России заключается в том, что исследователи долгое время исходили из модернизационной парадигмы (или ее транзитологического продолжения). Однако этот подход связан с телеологией, т. е. изначальной заданностью цели (демократия), и игнорированием негативных эффектов, которые влечет ее достижение. Исторический подход к современным процессам упрощает действительность, заменяя сложную динамику развития политической системы условной схемой. Но только учитывая внешние и внутренние факторы в их взаимообусловленности, видя эмерджентность процесса, т. е. его случайный, но взятый в полноте своих качеств характер изменений, избегая шаблонных схем, мы можем говорить об изучении динамики системы, ее трансформации.

Ограниченность нашего познания связана с непреодолимостью неопределенности, которая является имманентной характеристикой любого процесса и действующего субъекта. Политическая система вырабатывает особые ограничители, способствующие уходу на время от неопределенности и преодолению, таким об-

разом, эмерджентного характера трансформации, — политические институты, т. е. формальные правила, регулирующие деятельность акторов. Однако в то же самое время природа институтов связана с их эффективностью, т. е. способностью решать определенные задачи и способствовать достижению конкретной цели. В условиях трансформации институционализация связана с институциональной неопределенностью, в этих условиях действуют неформальные правила, которые не способны снять эффект неопределенности и не способствуют формированию стабильно функционирующей системы.

¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. С. 222.

² Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. С.-Петербург; Москва; Берлин, 2003. Т. 1. С. 268.

³ Норт Д. С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18.

⁴ Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр. СПб., 2000. С. 82.

⁵ Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох. М., 1998. С. 153.

⁶ Россия регионов: трансформация политических режимов / Под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М., 2000. С. 43.

⁷ См.: Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000. С. 31.

⁸ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003. С. 204.

Материал поступил в редакцию 30.11.2006 г.